

II

АКСИ́НЬЯ ФОМИНА

Акси́нья Кузьминишна Фомина, близкая соседка Калинина, крестьянка дер. Рим на Пудожской Горе, лет 30-ти от роду, большая мастерица петь былины и песни. Ее манера петь отличается особенно тем, что по требованию стиха она нередко, не прибегая к вставным частицам, вместо того превращает букву *ъ* в гласный звук и произносит его как *ы*. Былины свои она научилась петь от матери, которой уже нет в живых. Кроме печатаемых здесь *былин*, она пела еще про отъезд Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно с Калининым, от которого заимствовала эту *былину*, но с некоторыми пропусками и сокращениями.

ВОЛЬГА

Когда зарождалася млад светёл месяц,
Тогда зарождался Вольга́ богатырь.

От его от славы богатырскою
Орги-ты вси да приумолкнули,

⁵ Птица улетела вся под оболоку,
Рыба ушла да в глубоки́ станà,
Звери ушли да во темны́ лесà,
Царь Сантал да в Вольгу́ сбежа́л
Со своей царицей со Давыдьевной.

¹⁰ Стал Вольга да лет десятки-то̀,
А и задался он, Вольга, да во мудрости,
А и во мудрости, Вольга, да он в хитры хитрости,
Птицей он летать да под оболоку,
Рыбою ходить да в глубо́ки станà,

¹⁵ Зверями ходить да во темны́ лесà.
Овернулся Вольга́ да малой птичиной, —
Улетел-то Вольга да он под оболоку,
А и птицу всю да он порóзгонял.

Овернулся Вольга да добрым молодцом:
²⁰ — Братцы дружинушка хоробрая!
Ставьте-тко пасточки дубовый,
Сильшка вы ладьте-тко шелковый,

247

Птица не улетела б под оболоку.
Овернулся Вольга́ да свежей рыбиной,

²⁵ Ай пошел-то Вольга да в глубоки станà,
Рыбу-то всю да он порóзгонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
— Братцы дружинушка хоробрая!
Ладьте-тко невода шелковый,

³⁰ Проволоки вы кладите да золоченый,
Рыба не ушла бы в глубоки станà.
Овернулся Вольга да люты́м зверём,
А и ушел-то Вольга да во темны леса,

Зверей-то всех да он порозгонял.

³⁵ Овернулся Вольга да добрым молодцом:

— Братцы дружинушка хоробрая!

Ладьте-тко пицалочки винтовьи,

Закатите-тко пулечки калёный,

Звери не ушли б да во темны леса.

⁴⁰ Поезжае Вольга в Вольгу-город.

Видла царица нехороший сон:

Бьется сокол да с черным вороном,

Перебил сокол да черн ворона.

Ясный тот сокол — Вольга богатырь,

⁴⁵ Черный тот ворон — то сам Сантал.

Записано в дер. Рим на Пудожской Горе. 24 июля.

248

16

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

У стольняго у князя у Владимира

Заводился у него да почестней пир.

Вси на пиру да напивались,

Вси на пиру да поросхвастались.

⁵ Единый тот хвастат золотой казной,

Единый тот хвастат цветным платицом,

Единый тот хвастат добрым конем;

Умный тот хвастат отцом матерью,

А й безумный тот хвастат молодой женой.

¹⁰ А й сидит Илья Муромец да сын Иванович,

А й сидит да ничим он не хвастает.

Стольней князь да Владимиры (*так*)

Сговорит да таково слово:

— Илья Муромец да сын Иванович!

¹⁵ Что же ты сидишь ничим не хвастаешь?

— Платья у меня да есть на возлюдьё (*так*),

Золотой казны у мни да есть по надобью.

Добрых коней да на выезд есть,

Отца матушки да живого нет.

²⁰ Есть у мня да молода жена,

Офимья у меня да Александровна:
Оманула у меня да девять царей,

249

Десять русьских могучиих богатырѐв,
А й оманет тебя стольнѐ-князя Владимира.

²⁵ А й посадил его в крепь во тѐмную,
Сам посылал скорых гонцѐв
А й к его-то молодой жены,
А й ко той Офимье Александровне:
— Ай же молода жена Офимья Александровна!

³⁰ Наказывал да теби Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Омануть тебе стольнѐ-князя Владимира.
Говорит Офимья Александровна:
— Как мой муж да напивается,

³⁵ Так он пуцай да прохмеляется.
Сама повыпустила скорых послов.
Садилась-то на стулья на дубовыи,
Подрубила-то волосы по мужскому,
Сокрутиласи да в платица во мужскийи,

⁴⁰ Обседдала она да ведь добра коня,
Брала она стрелочку каленую,
Палицу да во сорок пуд,
Приезжала ко стольнему ко князю ко Владимиру,
Сваталаси на его на родной дочери,

⁴⁵ На Катерины она да Микуловной (*так*).
— Ай ты чьей земли да чьей орды?
Ты чьего отца да чьей матушки?
— Я есть пѐсол скорый земли рускийи.
Сговорит Катерина Владимирна:

⁵⁰ — Ай же ты да родный татенька!
Глупым розумом вольничаѐшь,
Выдаваешь ты девчину а за женщину:
У ей ж .... крутенька как по женскому,
У ей пѐленки мяконьки как по женскому,

⁵⁵ Где жуковины лежали тут и места знать.
— Молчи-тко ты, дочѐй, мы попытаем-тко,

Может ли натянуть да тугой лук,
А и выстрелять да с каленой стрелы.
Пошлем с Чурилушкой Щипленковым

250

- ⁶⁰ А й на далечо чисто поле.
А й Чурилушка да Щипленкович
А й не мог да натянуть он тугой лук,
А й выстрелить да с каленой стрелы.
Пóслы скорыи да земли русскии ,
- ⁶⁵ А натянула она да ведь тугой лук
И выстрелила да с каленой стрелы.
Говорит Катерина Владимирна:
— Ай же ты родной мой татенька!
Глупым ты разумом вольничаёшь,
- ⁷⁰ Выдаваешь ты девчину за женщину:
У ей ж .... крутенька как по женскому,
У ей пелечки мяконьки как по женскому,
Гди жуковины лежали, тут и места знать.
— Молчи ты, дочи́, да попытаем-ко,
- ⁷⁵ Положим во спальню во теплую,
На перина положим на пуховую.
Если она да буде женщина, —
Буде яма на постели-то.
Если она мужчина-то, —
- ⁸⁰ Буде яма на зголовьици.
Проспала да темну ноченку
Ногами да на зголовьицо
А и плечами она да на постелю-то.
А и тут поверил стольний князь Владимиры,
- ⁸⁵ А и просватывал свою родну дочь.
Водили их во церкву во божию,
Витыма перстями обручили-то,
Злáтыма венцами обложили-то.
Заводили они да почостный пир.
- ⁹⁰ А и сидит-то послы скорыи,
Послы скорыи земли русскии,

Повешена сидит да буйна голова.
А и зговорит стольный князь да Владимиры:
— Ай же послы скорьи земли рускии,

⁹⁵ Зять молодьи да послы скорьи!
Ай зачим же ты весишь буйну голову?

251

Зговорил да таково слово:
— Стольный князь да Владимиры!

Есть у тебя да во темной крепи

¹⁰⁰ Илья Муромец сын Иванович.

Нельзя ли его да повыпустить,

Со мною-то на почостный пир?

Мы в одном поли с ним поезживали,

С одной стрелочки мы выстреливали,

¹⁰⁵ В одно колечечко попадавали.

Стольный князь да Владимиры

Он повыпустил да Илью Муромца,

А и на зятнин его да на почостный пир.

Зговорит послы скорьи земли рускии,

¹¹⁰ Послы скорый да зять молодьи:

— Ужь ты знаешь ли, Илья, догадаешься ль Илья,

Ужь я чья жена?

Зговорит да Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванович:

— Эй же ты стольный князь да Владимиры!

Оманула тя да моя жена,

Выдал ты девчину а за женщину!

Записано там же, 22 июля.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Три году Добрынюшка стольничал,

Три году Добрынюшка чашничал,

Три году Добрыня у ворот простоял,

На десятый год еще гулять ушел.

⁵ Наказывала Добрыни родна матушка:
— Ты ходи гуляй, Добрынюшка, по городу,
Ты по городу гуляй по Киеву,
Только не ходи во улички Маринкины,
В переулки не ходи да во Игнатьевски.

¹⁰ Там е девушка да зельчица,
Зельчица девушка кореньщица.
Извела-то она девять молодцёв,
Девять русских могучиих богатырев,
Тебя же изведет да во десятиих.

¹⁵ Забыл-то наказанье родной матушки,
Зашел-то он во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидят голубы да со голубушкамы,
Носочки с носочками целуются,

²⁰ Они правыма крылами обнимаются.
Тут Добрыни в запрету' пришло,
Натягивал Добрынюшка тутой лук,

253

Направлявал Добрыня калену стрелу,
Убил у Маринушки мила дружка,

²⁵ А Ивана убил царевича,
По прозваньицу убил Туга-змеевича.
Бросилась Маринушка по плечь во окно:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинич!
Холост ты ходишь не женат ноньку,

³⁰ Я красна девица на выдаванье:
Возь-ко меня да за себя замуж.
Не с ума Добрыня слово спророворил:
— Ай же ты девушка зельщица,
Зельщица ты кореньщица!

³⁵ Извела ты девять молодцёв,
Девять русских могучиих богатырёв,
Меня же изведешь да во десятиих.
Обвернулся Добрынюшка, домой пошол.

- Она брала-то ножички булатнии,
40 Она-то резала Добрынины следочки,
Приговоры приговаривала крепкии:
— Так бы резало у Добрыни ретливо сердцѡ по мни,
Обвернулся Добрынюшка и к ей пришел.
Повернула Добрыню серым волком,
45 Отпустила Добрыню ко синю́ морю.
Добрынина матушка
Ена день ждала да другой ждала,
Неделю ждала, да другу́ ждала,
Ена год еще ждала, другой ждала,
50 Не слышать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила к Маринке под окошечко:
— Эй же ты девушка зельчица!
Отверни у мни Добрынюшку по старому,
55 По старому Добрынюшку по прежнему.
Не отвернешь ты Добрынюшки по старому —
Я тя поверну собакою,
Собакой поверну ты подоконною.
Еще тебя потешу я сорокою,

254

- 60 Сорокою тебя да я коловою.
Отвернула Добрынюшку по старому.
Он брал в руки стрелочку каленую,
Розвязал ю на скамеечку дубовую,
Росстрелял ён Марину по чисту́ полю.

Записано там же, 22 июля.

252

Из-под белой березки кудревастой
Выходила турица златорогая,
Со своима турамы со детушкамы.

Розошлаь турица, роспротиласи:

⁵ — Вы прости-тко туры да малы детушки!

Случилось турам мимо Киев град итти,

Мимо тую стену да городовую.

А и с-под той стены с-под городовьи

Ходит девица душа красная,

¹⁰ В руках носит святу книгу евангельё,

А не только читает — вдвоем она́ плачёт:

Не девица ходит душа красная,

Плаче стена́ да городовая, —

Ёна сведала над Кие́вым незгодушку.

¹⁵ С-под восточною да с-под сторонушки

А й наеде Батыга Батыгович

Со своим со сыном со Батыгушкою,

А й со зятем Тороканчиком Корабликовым,

А й со тым со дья́чком со выдумщичком.

²⁰ У Батыги-то силы сорок тысячей,

А й у сына-то силы сорок тысячей,

У дья́кка-то ведь силы сорок тысячей,

256

А й у зятя-то силы сорок тысячей.

Обступает Батыга окол Киева́ кругом,

²⁵ А и Киев град да не мал не велик,

Соколу же лететь да на меженный день,

А и маленькой птичке не пролететь.

А й во Киеве Владимир пороздумался:

— А й не знаю я да с Батыгою поправиться,

³⁰ А й некому с Батыгою супротивиться.

Косогоры (гак) богатырь во Свя́тых во горах,

А й Самсон да Илья у синя́ у моря,

А й молодой Добрыня во чистом во поли,

А й молодой Олеша в богомольной стороны,

³⁵ По голям-то гулял двенадцать лет

По прозваньицу Василий сын Игнатьевич.

А й приходит Василий ко Баты́ги на лицо́,

Убил лучших головушек хоро́шеньких:

- Убил сына Батыгу Батыговича,
40 Убил зятя Тороканчика Корáбликова,
А й убил дьячка он выдумщикка.
А й посилае Батыга скорых гонцёв,
А й скорых гонцёв да во Киев славен град,
А й во Киев славен град да виновáтого искáть,
- 45 А и во Киеви Владимир пороздумался:
— А й не знаю я да виновáтого найтì,
Приходили солдаты коравульнии:
— Бласлови-тко, Владимир, слово спрóговорить.
А й знаем мы да виноватаго найтì:
- 50 По голям-то гулял двенадцать лет
По прозваньицу Василий сын Игнатъевич.
Находили Василия в кабаки́ на печì,
Приводили Василия ко царю́ на лицё.
— Опохмель меня, Владимир, чарой хмельною!
- 55 Наливае он чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюму́ да слáдкаго меду.
А й сливали питьё во единó судно,
А й мерой питья пол-пятá ведра,
- 60 А и весом питья пол-пятá пуда.
Принимается Василей единой рукой,
Выпивае Василий на единый дух.
Розгорелось у Василья ретливо сердце,
Розмахалась у Василья ручка правая:
- 65 — А й нуне пойду да ко Баты́ги на лицò!
Опохмель меня Батыга чарой хмельною,
А й пособлю я тебе славен Киев град-тот взять.
А й на ты речи Батыга приокинулся.
Наливае он чару зелена вина,
- 70 Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюму́ да сладкаго меду.
А й сливали питьё во единó судно,
А й мерой питья пол-пятá ведра,

А й весом питья пол-пята пуда.

⁷⁵ Принимается Василей единой рукой,

Выпивае Василей во единый дух.

Розгорелось у Василья ретливо сердце,

Розмахалась у Василья ручка правая.

А й стал он по силушке поёзживати,

⁸⁰ А й стал-то он силушки порубливати.

А й были у Батыги кони добрыи,

Кони добрый да изнаряженый.

Поезжае Батыга, заклинаётся:

— Не дай, господи, ни мни да ни детям ни моим.

⁸⁵ А й ни детям ни моим ни внучатам,

А не внучатам ни правнучатам!

Видно есте во Киеви богатыри.

Церковно петё в каменной Москвы,

Колокольный звон во Новий-городи,

⁹⁰ Щелье камень в северной стороны,

Мхи да болота в поморской стороны.

Записано там же, 23 июля.

258

19

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

У стольного у князя у Владимира

Заводился у него да почостный пир.

Было на пиру да две вдовы:

Одна Маринка Часова вдова,

⁵ Друга Авдотья Блудова вдова.

Наливае Авдотья Блудова вдова,

Наливала она чару зелена вина,

Не только вина что сладкого меду,

Подносила Маринки Часовой вдовы,

¹⁰ За чарою она ведь да посваталась

На Чайной девицы на Часовичной.

Ена вылила чару во ясны очи,

Измочила шубу черных соболей.

Ушла-то Авдотья Блудова вдова,

¹⁵ Идет она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она да запечаливши.
Стречает ю молодой Котёнко Блудов сын:
— Ай же родна ты да моя матушка,
Что же ты идешь да закручинивши?

²⁰ Местом ли тебя да приобнизили,
Пьяница ли городова тебя выругала,
Аль чарою ли тебя да приобнесли?

259

— Чарою меня да не приобнесли,
Пьяница городова не выругала,

²⁵ Местом меня да не обнизили.

Наливала я ведь чару зелена вина,
А й не только вина что сладкогó меду,
Подносила Марины Часовой вдовы,
А й за чарою я да посваталась

³⁰ А й на Чайной девице на Часовичной.

Ена вылила чару во ясны́ очи,
Измочила у мня шубу черных соболей.

— Ай же родна ты да моя матушка!

Чайная девица на моих руках:

³⁵ Я как захочу, так за себя возьму,
Я не захочу, — за служку за панютушку,
Справлялся он да скорешенько,
Убирался он да хорошошенько.

Видли добра молодца сядучи,

⁴⁰ А й не видли добра молодца поедучи.

А й повыехал да на чисто полё,
Ехал мимо покоев Маринки Часовой вдовы,
Хлопнул-то он палицей по терему,
Вси-ты терема да пошаталися,

⁴⁵ Вереи же все да розвалялися,

Терема унес да во чисто полё.

Чайная девица Часовична

А й бросаласи да что ль по плеч в окно.

— Ай же молодой Котёнко ты Блудов сын!

- ⁵⁰ Отца-то у тя звали видь Блудищом,
А й тебя же будут звать да уродищом!
Что же ездись по городу уродуёшь?
Ен зговорит да таково слово:
— Ах ты Чайная девица Часовична!
- ⁵⁵ У тебя-то есть да девять братцёв,
У твоей-то матушки девять сынков:
Пусть-ко выедут на чисто поле
С молодым Котёнком перевидеться.

260

- Насыпае Марина Часова вдова,
⁶⁰ Насыпала она мису злата серебра,
Другу насыпае скачна жемчугу,
Жертвуете стольнёму князю Владимиру,
Своему братцю родимому:
— Стольный князь да Владимиры!
- ⁶⁵ Уприси-тко молода Котёнка Блудов сын (*так*),
Чтобы взял бы Чайную девицу Часовичну за себя замуж,
Не за служку бы он за панютушку!
Сговорит стольный князь да Владимиры:
— Ай же сестрица родимая!
- ⁷⁰ Как же ты да напиваласи,
Так же нунь да прохмеляйся-тко.
Сговорит молодой Котёнок Блудов сын:
— Кто же от беды да откупается, —
Стольный князь да накупается!
- ⁷⁵ Прирубил он, пригубил да до единой головы
У Маринушки да Часовой вдовы,
А и спленил-то он девять сынов,
Покорил-то стольнего князя Владимира,
Взял Чайну девицу Часовичну
- ⁸⁰ Замуж за служку за панютушку.

Записано там же, 23 июля.

Молодой боярин Дюк Степанович

Выезжае он на далече чисто поле,

Хоче по́стрелять да чорна ворона.

Чорный тот ведь ворон ему смолится:

⁵ — Ай же молодой боярин Дюк Степанович!

Не збей моей туши о сыру землю,

А и не рушай моих перьев по чисту полю,

Не пролей-ко крови по сыру дубу

Слава тая по Руси носится:

¹⁰ Старца убить не спасеньё добыть,

Ворона убить не корысть получить.

А й поезжай ко ты да во Киев град:

Есте во Киеви богатыри,

Е кому да там поправиться,

¹⁵ Е кому с тобой да супротивиться.

Богатырское сердечко розгорелоси,

Ворона убить не захотелоси.

А й приезжае он да домой-то видь

Со далеча со чиста поля:

²⁰ — Ай же родна моя да ведь матушка,

Ай Нанерпа ты Тимофеевна!

Дай прощеньице мне с благословеньицом,

262

Я поеду-то да во Киев град.

— Ай же чадо ты да мое милоё,

²⁵ Молодой боярин Дюк Степанович!

Уродилось мое дитяtko захвастливо,

Росхватаешься животишками сиротскимa.

— А и как дашь прощёньице, я поеду-то,

А й не дашь-то, я все поеду ли.

³⁰ — Поезжаешь ты чадо мое милое,

Молодой боярин Дюк Степанович!

А й надёжь на себя платья́ не цветныи,

А й сапожки на ноги да не зелен сафьян,

А й возьми коника да мала шахманка.

- ³⁵ Платьица надел на себе цветные
А сапожки обул да зелен сафьян,
Брал коника да мала шахманка.
Видли добра молодца еядучи,
А не видли добра молодца поедучи.
- ⁴⁰ А и бежал конёк да малый шахманок,
Горы он долы промеж ног пуцал,
Маленьки озерка перепрыгивал,
А й быстрыи речки хвостом застилал.
Во ихной во Индеи в богатой,
- ⁴⁵ Во ихной во Корелы во проклятой,
Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили от заутрены от раннёю, —
А й приезжае он да во Киев град.
Зазвонили ко обедни ко столовою,
- ⁵⁰ А й приходит во черковь присвященную,
Богу он да низко молится,
На вси стороны да он ведь клонится,
Крёст он кладёт да по писаному,
А й поклон он ведёт да по ученому,
- ⁵⁵ С ножки на ножку поступливат,
С плеча он на плече поглядыват,
Он цветным платицем подрачиват,
Стольняго он князя подраживат.
Зговорит стольний князь да Владимир-тот:

263

- ⁶⁰ — Какая-то наехала холопина боярская,
Убил князя либо боярина,
Нет дак сильняго мочучаго богатыря,
А й с того он содрал платья цветныи,
А й сапожков зелен сафьян не держивал,
- ⁶⁵ Цветных-то платицов не нашивал.
Отходя-то от обедни от столовою.
Зговорит стольний князь да Владимиры:
— Люди есть да вы ведь зашлые,
Хлеба кушать я милости прошу.

⁷⁰ Зговорит молодой боярин Дюк Степанович:

— Ай в чужом-то мести да к обеду рад!

А й сам зговорит да таково слово:

— А й сказали что во Киеви хорошó да хорошó:

Зде-ка мостики да все ведь каменны

⁷⁵ А дороженки да здесь ведь глиняны,

А й зелен сафьян сапожки мараются.

Как у нас-то во Индеи во богатой,

Во Корелы-то у нас да во проклятой,

Во деревенке у нас да в Галичи,

⁸⁰ Мостики у нас-то все калиновы,

Сукна-то у нас да одинцовыи,

А и зелен сафьян сапожки идя чистятся,

Во черную грязь да не мараются.

Приходит он во полаты белокаменны,

⁸⁵ А и сидит ён за столом да за дубовым,

Мякишок он ест, корочки под стол роёт,

Сам в окошечко сидит да поглядыват:

— Ай сказали что в Киеви хорошо да хорошо?

Зде-ка печки все да ведь глиняны,

⁹⁰ А й помялушка-то все да ведь сосновый,

А й пахнут пирожки да на помялышка.

Как у моей-то у родной у матушки

У Нанерпы да Тимофеевны

А й печки у ней да все хрустальный,

⁹⁵ Помялушка у ней да семи шелков,

Пирожок-тот ешь — другой в рúки берешь,

По третьёем да душа горит.

Зде-ка домики да все каменныи,

Крышечки да все железныи.

¹⁰⁰ У нас как во Индеи во богатой,

Во Корелы-то у нас да во проклятой,

В нашей во деревенки во Галичи,

Домики у нас да стóя медныи,

Крыши у нас да все серебряныи,

¹⁰⁵ Шоломы, потоки золоченыи,

Шарики самоцветный камешки,
Домики стоят да быдто жар горят.
— Ай же мóлодой боярин Дюк Степанович!

А и можешь ли да нам сказать:

¹¹⁰ Колько Писарев могут именье описать?

— Ай же стольнѣй князь да Владимиры!

Не описать мойго именья шести писарям,

Шести писарям да во двенадцать год.

Отправляе стольнѣй князь да Владимиры

¹¹⁵ Трех писарей да трех молóдых,

Уж как мáстеров да он ученых,

А и посадил его в крепь да во тёмную.

А и приходят писари-то молóды,

Мастеры приходят что ль ученыи

¹²⁰ А во их-то во Индею во богатую,

А во их-то во Корелу во проклятую,

Во деревенку его да ведь во Гáличу,

К родной его да ведь к матушки

А и к Нанерпы оны к Тимофеевной:

¹²⁵ — Здравствуёшь, Нанерпа Тимофеевна,

Молода боярина Дюка Степанова матушка!

Мы посланы от стольнаго от князя от Владимира

Описывать ваше что ль именьицо.

Она зговорит да таково слово:

¹³⁰ — Уродилось моё дитятко захвастливо,

Росхвастался животишками сиротскимма.

Отворила она погреб глубокии,

Показала она сбрую лошадиную.

А и сидели три писаря молóдых,

¹³⁵ А и писали-то мастера учёныи,

Шесть годов описали шостую частиночку

Этой сбруи лошадиной.

Самы зговорят да таково слово:

— Не описать нам именья на своем веку.

¹⁴⁰ Ай же родна его матушка,

Нанерпа ты да Тимофеевна!
Мы не будем описывать именица,
Только отвори-тко погребы глубокии.
Отворила она погребы глубокии.

¹⁴⁵ А й висят-то во погребе три бочечки.

А и бочечки висят да серебряны
На цепочечках да золочённых,
Ай в одно место да пощалкивают,
Будто белый лебёдушки разговариваю́т.

¹⁵⁰ Они зговорят да таково слово:

— Ты прощай-ко, Нанерпа Тимофеевна!
Мы поедем да в свою сторону,
Ко стольнему князю ко Владимиру.
Идут-то мастера молодыи,

¹⁵⁵ Писари идут да ведь ученые.

Зговорит стольней князь Владимеры:
— Срубим мы ведь буйну голову
Молоду боярину Дюку Степановичу.
Описали три писаря молодых

¹⁶⁰ А именье его во шесть годов.

А и приходя ко стольнему ко князю ко Владимиру:
— Стольней князь да Владимир-то,
А и тебе рубить да буйна голова,
Не описать нам именья на своем веку.

¹⁶⁵ А и повыпустили молода боярина Дюка Степановича

А и с темной крепи.
Он повыехал на чисто поле
А и побил молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевал он двух братцев двух Любóвичёв,

¹⁷⁰ А и покори́л он стольняго князя Владимира.

Записано там же, 23 июля.